

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ И ЕГО ОБРАЗЫ

— Но ведь Стремнина не течет по
оврагу,— Питер с трудом сдержи-
вал гнев.

— Ваше Величество говорит «не
течет»,— возразил гном.— Но пра-
вильнее сказать — «не текла». Вы
знали эту страну сотни или даже
тысячу лет назад. Разве она не мог-
ла измениться?..

— Мне это не приходило в голову,
— сказал Питер.

К л а й в С т е й п л з Л ь ю и с
«Хроники Нарнии»

Было время, когда история утверждала себя как наука, обладающая специфическими предметом и процедурой познания, и вопросы об истинности исторических фактов историкам даже не приходили в голову. «В ту пору историки питали ребяческое и благоговейное почтение к «фактам». Они жили наивным и трогательным убеждением, что ученый — это человек, который, приложив глаз к окуляру микроскопа, тут же обнаруживает целую россыпь фактов. Фактов, дарованных ему снисходительным провидением. Фактов, созданных специально для него, фактов, которые ему осталось лишь зарегистрировать» (Л. Февр).

Так было в середине XIX в. Знаменитые слова немецкого историка Леопольда фон Ранке об изучении событий так, «как это было на самом деле», вполне могут служить выражением исследовательского кредо историографии тех лет. Именно такими представлениями руководствовались французские ученые Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобос при создании «Введения в изучение истории», которое долгое время было настольной книгой каждого историка. «Наивная» историография (по выражению М.А. Барга) позитивизма с беспредельным доверием относилась к добытым ею фактам истории. Это не значит, конечно, что она безоговорочно верила информации, содержащейся в имевшихся в ее распоряжении источниках. Напротив, именно в середине XIX в. были выработаны приемы, позволявшие отсеять

ложные свидетельства от достоверных, установить степень аутентичности и подлинности источников. Суть дела заключалась не в этом. Считалось, что выдержавшие испытания источники дают определенную сумму фактов, которые тождественны исторической реальности прошлого. Задача историка поэтому сводилась к добросовестному изложению добытых фактов, сообщению их читателю в полном, точном виде, свободном от субъективности интерпретаций и оценок. «Постановка проблем и выработка гипотез была... равносильна предательству — пользовавшийся такими методами историк словно бы вводил в священный град объективности троянского коня субъективности» (Л. Февр).

Историей «ножниц и клея» назвал этот подход один из самых ярких, горячих и бескомпромиссных его критиков — английский историк и философ Робин Коллингвуд. Вера в то, что объективная истина составляется из фактов, данных в источниках, прошедших процедуры строгого и пристрастного анализа на достоверность, представлялась ему ребяческой. Пассивному следованию имеющейся информации Р. Коллингвуд противопоставлял активную мыслительную деятельность исследователя, его интуицию. Историк реконструирует прошлое на основе не столько установления последовательности событий, сколько проникновения в то, что стоит за ними, — в сознание исторических деятелей.

Внешние события могут быть представлены конкретными физическими действиями людей: переход Цезарем реки Рубикон, его убийство заговорщиками в здании Римского сената. Но эти события сами по себе не являются предметом исторического знания. Они интересны историку «только в той мере, в какой они выражают мысли»: отвращение Цезаря к республиканской форме правления, столкновение конституционных принципов, отстаиваемых и Цезарем, и его убийцами. «История мысли» и есть «вся история», ее познание — не результат рациональной критики свидетельств источника, а акт «сопереживания», «восстановления», «мыслительной реконструкции» прошлого, которое является в первую очередь реальностью духовной, реальностью мысли познающего субъекта, историка.

Книга Р. Коллингвуда «Идея истории», написанная в 1943 г. и вышедшая из печати лишь в 1961 г., опиралась на традицию, сформировавшуюся в конце XIX в. Если немецкий философ В. Дильтей, подчеркнув активность исследовательской процедуры в истории, определял исто-

рический факт как факт сознания историка, факт сознания познающего субъекта, то итальянец Б. Кроче придавал важное значение еще одному обстоятельству. Историк, изучающий прошлое, существует в настоящем. Прошлое познается исходя из настоящего и оживает только в настоящем: «Вся история есть современная история, история современности», и лишь в этом смысле она является научной. «Историческая наука, гордящаяся, что она основывается на фактах... живет в детском мире иллюзий. Историк хорошо знает, что смысл прошлого следует искать не в хартиях, остатках прошлого. Его источник — в собственной личности историка» (Б. Кроче). Или, говоря словами другого итальянского историка Э. Сестана, «факт, событие не являются реальностью сами по себе. Факт, о котором ни один человеческий мозг не имеет представления, не является совершившимся».

Такова суть дискуссии — «великого спора» тех, кого принято в историографии называть «позитивистами» и «идеалистами». Аргументов последних вполне достаточно, чтобы омрачить оптимизм первых, основанный на отождествлении исторической реальности и исторических фактов. Если бы так было на самом деле, то история могла бы считаться точной наукой, ничем не отличающейся от математики, физики или химии. Но чем же тогда объяснить часто обращаемое в упрек истории обстоятельство, что различие интерпретаций и оценок даже ключевых событий и процессов является для нее обязательным условием, признаком жизни и симптомом здоровья? «Заприте десять историков в комнате (или в камере), дайте им один и тот же набор источников, и они обязательно придут к десяти различным выводам» (М. Гилдерхус). Почему?

Ответ следует искать и в особой природе исторического факта. В его определении, установлении роль субъективного начала, субъективной мыслительной деятельности самого историка действительно велика. Но не смертельно ли для исторической науки признание факта лишь «духовной конструкцией», субъективной реальностью историка, лишенной объективного содержания? Если это так, то истории следует отказаться от поиска научной истины и честно сказать, что она в лучшем случае, — род искусства, в худшем — форма проявления пустого любопытства, которое сродни любопытству бытовому. Разница только в предмете: кто-то хочет знать, что происходит в квартире соседа, кто-то интересуется прошедшими эпохами и бытом королей.

Нам представляется обоснованным другое толкование проблемы исторического факта. Исторический факт — «это «узел», «фрагмент», «связь» объективной реальности... независимой в своем бытии и значении от познающих субъектов» (М.А. Барг). Это объективно существующие факты действительности, находящиеся в определенных пространственно-временных рамках: события, процессы, явления как таковые. Содержание их не зависит от толкования. Оно инвариантно.

Есть вещи, о которых мы никогда не узнаем. Что чувствовал «третий слева в пятом ряду» французского каре в Ватерлоо, когда его командир отвергал предложение о капитуляции? Почему бездействовал Робеспьер накануне роковых для него событий 9 термидора? Кем был Лжедмитрий II?

«Разведчики прошлого — люди не вполне свободные. Их тиран — прошлое. Оно запрещает им узнавать о нем что-либо, кроме того, что оно само им открывает» (М. Блок). Исторические факты доступны историку только в качестве фактов, отраженных в источниках. Они сообщают информацию о событиях, всегда, впрочем, неточную и неполную. Тем не менее историк знает об обстоятельствах взятия Бастилии, казни Карла I Стюарта, убийства Александра II, экономического кризиса 1825 г. в Англии.

Анализ, сопоставление, преобразование этой информации приводят к тому, что рождается научный исторический факт. Он отражает реальность прошлого, реконструирует факты прошлого на основе почерпнутой из источников информации, осмысленной, преображенной его сознанием.

Структура исторического факта может быть представлена следующим образом:

Исторический факт как реальность прошлого

Исторический факт как реальность прошлого, отраженная в источниках

Исторический факт как результат научной интерпретации реальности прошлого, отраженной в источниках

Пришла пора поставить вопрос об историческом источнике. Ибо (вернемся к эпиграфу), если река все-таки текла здесь, хотя бы и тысячу лет назад, должно остаться что-то, напоминающее об этом.